

М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

Петр Великий

(опыт характеристики)

Петр Великий, первое дитя царя Алексея Михайловича от его второго брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной, родился 30 мая 1672 года. На четвертом году он осиротел, так как царь Алексей умер в январе 1676 года. Петр остался на попечении матери, царицы Натальи. Первоначальное воспитание, какое он получил, ничем не отличалось от воспитания, вообще дававшегося древнерусским царевичам. На пятом году его стали учить грамоте, и для этого обучения был приглашен дьяк из Приказа большого прихода, министерства финансов, по-нашему, человек искусный в книжном чтении, тихий и небражник, Никита Моисеев сын Зотов. Раз, совершенно неожиданно для него, Зотова вызвали из-за работы в Приказе и привели во дворец в приемную царя. Вскоре вышел царский спальник и спросил, кто здесь Никита Зотов, чтобы вести его к самому царю. От страха Зотов пришел в беспмятство. «Отстоявшись», придя в себя, он вошел в царский кабинет, и здесь в присутствии царя ему произведен был экзамен в чтении, который он с успехом выдержал, а затем ему было объявлено его новое назначение. По древнерусскому обычаю отслужили молебен, и учитель, поклонившись своему ученику в ноги, посадил его за азбуку. Покончив с азбукой, он прошел с ним Часослов, Псалтырь и Евангелие, в чем и заключалось первоначальное обучение в древней Руси. Впрочем, Зотов умел разнообразить свои уроки. Мальчик оказался живым, бойким и замечательно любознательным, засыпал учителя вопросами. Удовлетворяя эту любознательность, Зотов стал ему показывать и объяснять «куншты» — картинки с изображением городов, крепостей, кораблей, сражений, оружия и т. д. Такие картинки готовились иконописцами, состоявшими при дворе в ведомстве Оружейной палаты. Так шло обучение до деся-

тилетнего возраста. Весной 1682 года разыгрались в Москве события, вызвавшие крутой перелом в воспитании Петра.

В апреле этого же года скончался царь Федор, и Петр был избран царем помимо старшего брата царевича Ивана Алексеевича (от Милославской), которого признали неспособным к правлению. Партия родственников первой жены царя Алексея — Милославских, руководимая энергичной и даровитой царевной Софьей, возмутила в защиту прав обойденного царевича московских стрельцов. 15 мая стрельцы собрались в Кремль к Красному крыльцу и сбросили с крыльца на копья нескольких представителей партии Нарышкиных и в том числе боярина Артамона Сергеевича Матвеева, любимца царя Алексея, у которого в детстве воспитывалась царица Наталья. Царями были признаны теперь оба брата, а Софья провозглашена правительницей государства. Десятилетний Петр присутствовал при этой сцене на Красном крыльце и был спокоен. Однако она не прошла для него бесследно. Для него не было ничего впоследствии ненавистнее стрельца. Он потому так и ненавидел древнерусскую бороду, что она напоминала ему стрельца. Стрельцы, державшиеся раскола, стояли за старину. Может быть, и старина сделалась для Петра так ненавистна потому, что связывалась в его представлении с ее ревнителем и защитником-стрельцом, сбрасывавшим на копья его родных и близких.

События весны 1682 года принудили царицу Наталью, уступившую место Софье, удалиться с детьми в подмосковное село Преображенское, любимую летнюю резиденцию Алексея. Учебные занятия Петра были прерваны, остановившись таким образом на одной грамотности. Он остался без внимательного призора. Скучая сидеть в тереме возле печальной матери, он выбежал на улицу села Преображенского, где нашел себе общество детей придворных конюхов и лакеев. Из этой веселой компании царь устроил два потешных полка, с которыми и играл в военные игры, совершая походы в окрестностях села Преображенского. В то же время он пристрастился и к кораблю. В амбаре села Измайлова, неподалеку от Преображенского, среди разного хлама, оставшегося после деда Никиты Ивановича Романова¹, Петр нашел ботик заграничной постройки. Призванный немец объяснил ему, как этот ботик ходит на парусах не только по ветру, но и против ветра. С тех пор страсть к кораблю и мореплаванью захватывает Петра. Яуза, где он плавал на ботике, стала ему тесна. Заведены были корабли на Переяславском озере, а в 1693 году царь выпросился у матери в Архангельск, где впервые увидел настоящее море.

Эти игры, которым предавался Петр на свободе в Преображенском, снаряжение и обучение потешных полков, постройка корабликов и управление ими — вызывали много вопросов, разрешить которые не умели придворные русские люди, и за разрешением которых приходилось вызывать то того, то другого немца из соседней с Преображенским Немецкой слободы. Петр заинтересовался слободой, сделался там частым гостем, своим человеком, с удовольствием пировал с иноземными офицерами, купцами и мастерами, жившими в слободе, и танцевал с немками на свадьбах, на которые его запросто приглашали. Немецкая слобода в Москве, где жили иностранцы, приезжавшие в Москву на службу или по торговым делам, была как бы маленьким уголком Европы, занесенным в дикую Московию, подобно тому, как в азиатских больших городах непременно существуют европейские кварталы. В слободе завязались у него дружеские связи и романтические привязанности. Слобода дала ему толчок и к науке. Познакомившись со сведущими иностранцами, Петр понял свою отсталость и снова, на этот раз уже по собственной охоте, сел за книгу, прилежно стал изучать математические науки: арифметику, геометрию, артиллерию и фортификацию под руководством Франца Тиммермана, который был вызван во дворец, чтобы объяснить царю употребление астролябии. В слободе Петр впервые познакомился с Европой. С захватывающим интересом слушал он рассказы своих иностранных друзей о чудесах западного мира. В нем загорелось желание самому поближе познакомиться с этими чудесами, самому повидать, как живут образованные люди на Западе, и вот в 1697 году совершилось небывалое дело, поразившее современников: царь уехал за границу. Снаряжено было большое посольство к разным западным государям, во главе которого стал ближайший друг Петра в годы его юности иностранец Франц Лефорт, знакомец царя по Немецкой слободе. К посольству примкнул и сам Петр инкогнито под именем Петра Михайлова. Петр ехал за границу учиться, и прежде всего выучиться корабельному делу. В то время две державы славились своими флотами: Голландия и Англия. В этих странах и оставался Петр подолгу. Приехав в Голландию, он поселился сначала в маленьком городке Саардаме, чтобы работать на тамошней верфи. Но вскоре жители Саардама узнали, что русский плотник Петр, *master Piter*, как его стали называть, не простой плотник, а царь московский. В самом деле, выдает себя за плотника, а купил буер (лодку) за несколько сот гульденов. За царем стала ходить необвязчивая, надоедливая толпа любопытных. Однажды Петр был так раздражен глупой физиономи-

ей некоего саардамца Марцена, который протискивался сквозь толпу и всюду лез за ним, что не удержался и дал ему пощечину. «Марцен пожалован в рыцари», — воскликнули в толпе, и прозвание рыцаря навсегда осталось за Марценом. Встретив помеху в Саардаме, Петр перебрался в Амстердам: благодаря его величине и многолюдству, там можно было оставаться неузнанным. Здесь он работал на верфях Ост-Индской компании. В свободные от работы часы он плавал по морю, посещал фабрики, заводы, мастерские, музеи, собрания редкостей, воспитательные дома, госпитали, побывал и в астрономической обсерватории, всем живо интересовался, обо всем расспрашивал и заставлял давать себе объяснения, — словом, прилежно и внимательно учился. Такую же жизнь вел он затем и в Англии, куда перебрался, пробыв более четырех месяцев в Амстердаме, чтобы у английских инженеров поучиться теории кораблестроения, практику которого он хорошо усвоил в Голландии. Заграничное путешествие было как бы высшей школой в образовании, пройденном Петром, если считать уроки Зотова начальной, а занятия с Тиммерманом средней. Но подобно тому, как его первоначальное обучение было прервано стрелецким бунтом 1682 года, новый стрелецкий мятеж, вспыхнувший в России в отсутствие Петра, заставил его прервать курс высшей школы и поспешить в Россию. Опять перед ним стоял ненавистный с детства образ стрельца-бунтаря, защитника старины, опять мешал ему учиться.

Нас не удивит после этого жестокость, с которой царь, приехав в Москву, расправился со стрельцами. Стрелецкое войско было уничтожено, несколько сот стрельцов было казнено. Пробелы прерванного образования Петр восполнял потом в течение всей жизни. Он и под старость сохранил ту же жажду к знанию, ту же неутолимую любознательность, с какою засыпал вопросами Никиту Зотова в детской комнате Кремлевского дворца. На своей печати, которой он запечатывал отправляемые им из-за границы письма, Петр вырезал девиз: «Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую». Этому девизу царь и остался верен до конца своих дней.

Петр Великий! Кто не слышал о нем многочисленных рассказов?! Ведь первые сведения о царе-преобразователе мы получаем еще в детстве. Как только произнесено это имя, перед нами возникает хорошо знакомый образ: высокая могучая фигура с орлиным взором, с крупными чертами лица, которые искажались иногда нервными судорожными конвульсиями — следствие кровавой сцены, пережитой на Красном крыльце в десятилетнем возрасте. Над всякой толпой, как бы велика она ни была,

царь заметно выдавался, будучи без малого в сажень ростом. Когда на светлый праздник он христосовался, а этот обычай он строго соблюдал, у него заболела обыкновенно спина, потому что к каждому, кто к нему подходил, он должен был непременно нагибаться. Когда он шел пешком, обыкновенно размахивая при этом руками, он делал такие крупные шаги, что спутнику, его сопровождавшему, приходилось бежать рядом с ним рысью. Царь отличался огромной физической силой, был богатырь в буквальном смысле слова: выковывал без труда железную полосу в несколько пудов весом и легко мог разогнуть подкову. Когда он хотел кого-нибудь похвалить и дружески потрепать по плечу, то удостоившийся этой царской милости не рад был и похвале, потому что ему приходилось чуть не кричать от боли. Те же крупные черты и в его нравственном складе. Его нравственная природа способна была к широким размахам в ту и другую сторону, в положительную и в отрицательную. Петр способен был на благородный подвиг самопожертвования. Он и погиб от такого подвига. Глубокой осенью 1724 года он без раздумья бросился в ледяную воду, чтобы спасти лодку с тонувшими матросами, причем жестоко простудился и заплатил жизнью за спасение матросов. Он не мог вынести опыта над ласточкой, посаженной под колокол воздушного насоса, производимого придворным доктором Арескиным. Когда воздух из-под колокола был вытянут настолько, что птичка зашаталась и затрепетала крыльями, царь сказал Арескину: «Полно, не отнимай жизни у твари безвредной, она не разбойник», и выпустил птицу. В то же время он мог совершенно спокойно смотреть на самые жестокие пытки и казни, которым подвергались те, кого он считал врагами своего дела. Расправляясь с взбунтовавшимися стрельцами, он собственноручно отрубил головы нескольким из них. Он был способен трудиться без усталости, но так же и гулять без всякой сдержки. Он был способен предаваться разгулу, описание которого превосходит всякую меру воображения, на празднествах по случаю спуска нового корабля, когда гости напивались до того, что их выносили замертво, а иные и совсем отдавали Богу душу, или на собраниях всепьянейшего и всешутейшего собора, собиравшегося под председательством князя-папы, его старшего учителя Н. М. Зотова, причем сам Петр, выступавший в роли протодиакона, оказывался неистощимым в изобретательности, сочиняя разные процессии и торжества для собора. То князя-папу должны были нести на троне 12 плешивых кардиналов, а папа, снабженный особым молотком, должен во время движения процессии стучать этих кардиналов по головам, то князь-

папа должен переправляться через Неву в просторном чане, наполненном пивом, плавая по пиву на небольшом плотике, причем Петр в конце концов все-таки не удержится и столкнет князя-папу в пиво, дав ему купание. Непомерное знакомство с «Ивашкою Хмельницким», как называл Петр вино, рано расстроило его здоровье. Он приходил в дурное расположение духа, становился раздражителен и тяжел для окружающих. Но он привлекал к себе сердца своей правдивостью и любовью к правде. За правдивое признание он готов был простить всякий поступок. Неплюев, один из молодых людей, которые были отправлены для обучения за границу, вернувшись и сдавши экзамен, назначен был работать вместе с царем на верфи. Раз, пропировав накануне в гостях, он опоздал на работу, пришел уже после государя и до такой степени испугался, что хотел уже бежать и сказаться больным, но потом решил говорить всю правду. «А я, мой друг, уже здесь», — сказал ему Петр. «Виноват, государь, — отвечал Неплюев, — вчера был в гостях и долго засиделся, и оттого опоздал». — «Спасибо, милый, — сказал ему Петр, — что говоришь правду: Бог простит, кто Богу не грешен, кто бабе не внук?!» Царь не терпел неправды. Раз в его присутствии один иноземный офицер разоврался о сражениях, в которых он бывал, и о подвигах, которые совершил. Петр слушал, слушал его, потом плюнул ему в лицо и отошел в сторону.

Словив силу Швеции, Петр сделался одним из самых могущественных государей Европы. Но при этом он умел сохранить простоту в образе жизни. Он был очень бережлив в государственных средствах и расчетлив в своих, и впервые внес строгое различие между теми и другими. Расходы на содержание двора убавились при нем вчетверо (15% — 4%) сравнительно с прежними их размерами. Он обыкновенно ходил в поношенном кафтане, сшитом из русского сукна, в стоптанных башмаках и чулках, заштопанных Екатериной. Ездил, по свидетельству очевидцев-иностранцев, на таких плохих лошадях, на которых согласился бы ехать не всякий столичный обыватель, обыкновенно в одноколке, один или в сопровождении денщика. Царь не выносил просторных зал. Когда он был во Франции в 1717 году, ему отвели помещение во дворце, но его комнаты оказались для него так высоки, что он приказал натянуть в них потолок из парусины. В Петербурге он построил себе два дворца: летний и зимний, настолько маленькие, что в них не могли вмещаться приглашенные гости, и более важные торжества происходили в здании Сената и в обширном дворце князя Меншикова, а летом собрания при дворе происходили на открытом воздухе в Летнем саду.

По простоте, с которой царь себя держал, он вовсе не походил на своих предшественников. Те были окружены религиозной обстановкой. Народ видал их редко, во время торжественных выходов, когда царя в золотой одежде церковного покроя вели под руки под звон кремлевских колоколов в один из соборов. Теперь носитель верховной власти стал появляться перед народом в странном виде, в голландской матросской куртке на корабельной мачте, с трубкою в зубах. Для него не было ничего стеснительнее придворного этикета. Для торжественных придворных церемоний у него была заведена особая должность князя-кесаря, много лет занимаемая кн. Ромодановским, который и должен был носить знаки императорского достоинства. В августе 1723 года надо было дать прием персидскому послу. С Персией только что был заключен мир, и вообще посла восточной державы нельзя было принять запросто. В ожидании посла император, одетый в парадный красный кафтан, вышитый серебром и опушенный собольим мехом, ходил большими шагами по комнате, прилегающей к тронной зале, страшно волновался и приводил в смущение императрицу. Заслышав шаги посла, он перешел в тронную залу и занял место на троне в тожественной позе, держа под мышкой треугольную шляпу. Он сильно потел и от волнения часто нюхал табак, когда посол произносил длинную высокопарную речь и когда он затем по восточному обычаю пополз по ступеням трона, чтобы поцеловать руку императора. С большим облегчением он вздохнул и выбежал из тронной залы, как только эта утомившая его церемония кончилась. На разных торжествах Петр занимал первое попавшееся место, обыкновенно в конце стола, причем наиболее любимыми его собеседниками были иностранные мастера и купцы. В царе Петре таился простой рабочий. С необыкновенной легкостью Петр постигал и усваивал каждое мастерство и везде, где он ни бывал, а изъездил он вдоль и поперек всю Россию, он оставил предметы, им самим сработанные. Он гордился мозолями на руках. «Видишь, братец, я и царь, — говорил Петр Неплюеву, — да у меня на руках мозоли, а все оттого — показать вам пример и хотя бы под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству». Простой рабочий с необыкновенной легкостью обнаружился в нем, в какой бы обстановке царь ни находился. Раз на одной великосветской свадьбе, когда гостям показалось, что в зале, назначенной для танцев, слишком жарко, хотели открыть окна, но они оказались заколоченными снаружи; царь потребовал топор и сам стал отбивать раму, но окна оказались заколоченными так крепко, что ему пришлось провозиться с ними бо-

лее получасу. Он не раз выбегал на улицу, чтобы осмотреть окно снаружи и, наконец, добился своего — открыл окно, вернулся к гостям и принял участие в танцах, до которых был большой охотник. Он мог трудиться неутомимо, притом на самых разнообразных поприщах, то с топором плотника, то с пером историка в руках, — свойство, которое дало поэту повод сказать о нем: «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник, он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник». Этому царю-работнику выпало на долю переработать Россию.

Царь перерабатывал Россию не без общей политической мысли. Правда, он, делец и практик по преимуществу, был чужд отвлеченным теориям. Но то, что было практического в политических взглядах его времени, он хорошо усвоил. Переменчивость намерений и планов в преобразовательной деятельности, выразившаяся в отрывочных и часто противоречивых указах, один за другим выходивших из-под его пера, не показывает еще отсутствия политического идеала: она является лишь признаком страстных порывов в стремлении к нему. Вдохновленный идеалом, Петр хватается то за одно, то за другое средство, которое кажется ему ведущим к достижению идеала; разочаровываясь в результатах, бросает начатое, меняет его на другое средство, которым увлекается со всею горячностью своей пылкой натуры. Но во всей этой кипучей деятельности, во всей этой быстрой смене намерений и начинаний ясно видно одно стремление, один политический идеал. Он становится все яснее по мере развития самого Петра, по мере его все более широкого знакомства с западно-европейским миром, — знакомства, которое началось с поездок в Немецкую слободу и окончилась посещением важнейших государств Европы, которое началось с приглашения немецкого плотника Тиммермана и кончилось сношениями с одним из самых великих мыслителей того времени — Лейбницем, которое началось с вопросов о том, как действовать астрольбияй и пускать на парусах игрушечные ботики, и привело к изучению государственных учреждений Европы. Этой заветной целью, этим идеалом Петра была Россия как европейское государство.

Чтобы понять, что Петр подразумевал под европейским государством, надо вспомнить ту политическую обстановку, в которой он жил, как политическую деятельность того времени, так и политические идеи той эпохи. Мы замечаем всегда взаимодействие между действительностью и идеями. С одной стороны, политическая философия осмысливает то, что сложилось в действительности, с другой — сама действительность следует правилам, установленным политической философией. К XVII веку везде в

Европе на месте феодальных дроблений возникает государство с абсолютной, неограниченной властью. В то время появляется и политическая философия, которая дает теоретическое обоснование этому государству с абсолютной верховной властью. Это был век блестящего расцвета политической мысли, когда на философском горизонте светят звезды первой величины: Гроций, Пуффендорф, Гоббс², Локк³ и другие мелкие, которые теперь уже забыты. Это было время господства рационализма в политической философии, который сводил все к разуму и все пытался объяснить из разумных начал. Это было время договорной теории происхождения государств. Люди первоначально живут в естественном состоянии, как говорит Гоббс, один из представителей этой мысли, но от этого происходит зло, начинается борьба всех против всех, и вот, в целях общего блага, в целях прекращения этой борьбы, люди заключают между собой договор, которым образуется государство. Люди соглашаются договором учредить верховную власть, в пользу которой они отказываются каждый от своей самостоятельности, и все свои права переносят на эту верховную власть, которая таким образом является абсолютной. По учению Гоббса, верховная власть в государстве не подлежит ничьему контролю, она выше закона, так как она служит источником закона. Только верховной власти принадлежит право суждения, только верховная власть обладает всеми свойствами для достижения истины, только верховная власть не может ошибиться в выборе между суждениями. Такова теория государства, возникшая в XVII веке.

Политическая действительность много усвоила из этой теории и пыталась осуществить ее на деле. Вот почему верховная власть в XVII и XVIII вв. играет такую выдающуюся роль, получает такое огромное значение. Как говорит Токвиль⁴, она становится для подданных на место Провидения, она окружает их всеобъемлющей опекой: она дает подданным не только безопасность, не только заведует внешней обороной, не только учреждает правосудие, она также насаждает промышленность путем финансовых субсидий и подробных предписаний, регулирующих все мелочи экономического производства. Она заботится также о здоровых подданных, следит за их нравственностью, она выбирает для них религию, вмешиваясь таким образом даже в интимную сторону жизни подданных. В XVI веке, действительно, был установлен такой политический принцип: государь определяет религию для своего государства, а подданные обязаны повиноваться верховной власти. Наивысшего значения в таком смысле верховная власть достигает в XVIII веке, в эпоху

просвещенного абсолютизма, когда на европейских тронах являются монархи-философы, а у этих тронов стоят министры, проводящие философские аксиомы в жизни.

Вот та политическая действительность и те идеи, в среде которых пришлось действовать Петру. Он, конечно, не был теоретическим мыслителем, отвлеченные теории ему не давались, он с трудом их усваивал. Но, обладая живым, любознательным и пронизательным умом, он не мог не присмотреться во время своих странствований по Европе к западно-европейской политической деятельности и не мог остаться глух к западно-европейским политическим идеям. Ведь идеи имеют свойство как бы носиться в воздухе и заражать собою хоть немного восприимчивые умы. Петр, разумеется, не оставил после себя цельной и стройной системы, но он весь был пропитан политическими идеями своего времени. Правда, отвлеченное в этих идеях не давалось ему. Будучи практическим дельцом по преимуществу, он не занимался теорией происхождения государства, но то, что было практического в этих идеях, он хорошо усвоил. Он очень ясно выразил свой взгляд на общее благо как на цель государства и на верховную власть как на средство, ведущее к этой цели.

В своей ответной речи на торжестве 22 октября 1721 г. он, указывая на предстоящие после войны задачи правительственной деятельности, между прочим, заметил, что теперь, когда окончилась война, его задачей является «трудиться о пользе и прибытке общем». Этими словами он выражает ту же мысль, какую проводили и философы.

При нем верховная власть как средство для достижения этой цели получает новое значение. Она становится более отвлеченной: люди XVII в. смотрели на верховную власть слишком конкретно. Они отождествляли государство с личностью государя, для них эти два понятия были неразрывны. Московское государство XVII в. есть еще вотчина, населенная разного рода крепостными, а государь — вотчинник этой вотчины, хозяин в этом большом хозяйстве. При Петре эти два понятия: государство и государь расчлняются и становятся отдельными, и верховная власть теряет эти вотчинные свойства: она становится государственным учреждением, с характером строго государственного, а не частного права.

Перемена в положении верховной власти выражалась не только в этих внешних формах, она сказывалась также и в самом законодательстве. Законодательство Петра Великого отличается от законодательства предыдущего времени двумя черта-

ми. Первое отличие его состоит в том, что оно является всеобъемлющим, оно касается всех сторон жизни подданного. Судебники и Уложение⁵ Алексея Михайловича содержат, главным образом, процессуальное право; материального права в них очень немного. Государство XVI и XVII вв. ставит себе немногие задачи: оно берет на себя внешнюю оборону, обеспечивает внутреннюю безопасность и собирает средства для этих двух целей. В этом и заключается его деятельность; оно почти не вмешивается ни в общественную, ни в частную жизнь подданных. Для людей того времени в законодательстве не было нужды, у них была сила, на которую они всегда опирались, и этой силой был обычай. Московское государство жило обычаями, судьи судили в приказах, опиравшихся на обычаи, обычай руководил и частной жизнью человека: в сомнительных случаях он справлялся с тем, как указывал обычай, как повелось от предков. «Так повелось», — и этой ссылки было достаточно, чтобы устранить все сомнения и прекратить всякое колебание. «Так не повелось», и иногда никакими казнями и пытками нельзя было сломить упорство, поддерживаемое этим основанием. В XVIII в. на место обычая поставлен разум, который объявляет обычаям беспощадную войну, который стремится изгнать его из всех сфер, который всю жизнь перестраивает на новый лад. Отсюда ясно, что закон, основанный на разуме, должен был определить все мельчайшие подробности не только общественной жизни, но и частной. И вот законодательство Петра, как законодательство всех европейских государств того времени, охватывает жизнь подданных решительно со всех сторон. Правительство окружает подданных всеобъемлющим попечением: оно предписывает, как строить города, как строить дома в городах и деревнях, но не ограничивается постройкой жилищ, а шагает за его стены и определяет весь обиход частной жизни; оно указывает, какой внешний облик и какую одежду должен носить подданный, например, одни должны брить бороду и носить немецкое платье, другим — раскольникам — предписывалось носить длинные бороды и русское платье.

Таким образом, законодательство предписывало внешнее обличье и одежду подданных, но оно предписывало также и те науки, которым подданные должны были учиться. Дальше оно не ограничивалось тем, что брало на себя обучение, оно заведывало также и увеселениями. Тогда у государства не было средств для устройства общественных увеселений, поэтому оно вмешивалось в частные увеселения, например, был издан указ об устройстве ассамблей, подробно определяющий, как должен был вести

себя хозяин, чем занимать гостей, в котором часу начинать, в котором кончать и т. п. Мало того, что государство вмешивалось в то, как люди должны веселиться, оно указывало также, как они должны лечиться. Петр сам пользовался за границей водами, надо было открыть такие и в России, и вот был открыт железистый источник в Олонецком краю, вода которого была объявлена целительной. Тотчас был издан подробный регламент о том, как надо было пользоваться этими водами. Если больному случалось умереть, то и на такой случай были изданы правила: в каких гробах хоронить, как ставить на могиле памятник и т. п.

Словом, все решительно шаги подданного были строго определены законом: подданные все должны делать по указу, все должно быть «указным», как тогда выражались: жилища должны быть построены по указному плану, обитатели должны одеваться в указное платье, указным образом должны были веселиться, указным наукам учиться и указным образом лечиться, указным образом хорониться и указным порядком лежать в могиле, очистив предварительно душу покаянием в указные сроки. Государство заботится даже о загробной жизни, наблюдая за тем, чтобы подданные ежегодно исповедывались и причащались. Оно не стеснялось даже предписывать правила поведения для тех церковных иерархов, которые облечены были особенною благодатью Святого Духа: вышел закон о том, как должны были держать себя архиереи во время службы — «упражняться в богомыслии и посторонних докладов не принимать».

Таким образом, законодательство охватило подданного со всех сторон его жизни и окружило его всеобъемлющей и самой тщательной опекой. Этот всеобъемлющий характер законодательства Петра — одна из его черт. Вторая черта — это те средства, которые имеет в виду законодатель для исполнения своих законов. До Петра известно было одно следствие — угрозы и наказание: законодатель действовал, как суровый педагог, рука которого постоянно вооружена кнутом и плетью. Откройте «Уложение»¹, на каждом шагу вы увидите там слова: «А буде которые люди учнут делать то-то и то-то, и тех людей казнить без всякого милосердия» или «бить нещадно». Законодательство Петра также не скупится на угрозы, но оно рассчитывает и на другие способы исполнения своих законов: оно стремится повлиять на разум подданного. Вот почему Петр приводит к каждому своему закону мотивы, причем эта мотивировка разрастается иногда в целые политические и естественнонаучные трактаты. Петр стремится прежде всего подействовать на *рассу- док* подданного и только в случае неуспеха обращается к угрозе.

В каждом из его указов непременно встречаем союз «понеже», которым начинается мотивировка закона. Эта неважная часть речи — союз «понеже» — знаменует собою очень важный момент в развитии *русской личности*. Вместе с отменой обычая писаться уменьшительными именами и земных поклонов при встрече с государем появление этой частицы в тексте законов показывает новые отношения, в которые верховная власть стремится встать к управляемому обществу, рассчитывая на сознательное, разумное исполнение закона, ради его разумных целей, а не на рабское подчинение из-за страха плети. Когда Петр пишет указ, он непременно резонирует. Иногда мотивировка указов разрастается в целые поучения, в которых излагаются политические, юридические и естественнонаучные теории. Приведу примеры этого законодательства. Петр не раз издавал указ о том, чтобы никто не обращался с просьбами лично к государю, не подав прошения в установленных учреждениях и не пройдя всех инстанций. Вот как начинается один из таких указов: «Понеже челобитчики непрестанно е. и. в-ву докучают о своих обидах, везде, во всяких местах, не дая покою; и хотя с их стороны легко рассудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна; но притом каждому рассудить же надлежит, что какое их множество, а кому бьют челом, одна персона есть, и та колкими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всем известно есть. И хотя б и таки трудов не было, возможно ли одному человеку за так многими усмотреть? Во истину не точию человеку, ниже ангелу, понеже и оные местом описаны суть, ибо где присутствует, инде его нет». Указ о собирании разного рода редкостей мотивирован таким образом: «Понеже известно есть, что как в человеческой породе, так в зверской и птичьей случается, что рождаются монстра, то-есть уроды, которые всегда во всех государствах собираются для диковинки... но таят невежды, чая, что такие уроды рождаются от действия дьявольского чрез ведовство и порчу, чему быть невозможно, ибо един Творец всея твари Бог, а не дьявол, которому ни над каким созданием власти нет...». Далее объясняются естественные причины таких человеческих, скотских, звериных и прочих уродов.

Итак, Петр был воодушевлен идеалом «регулярного» европейского государства. Под этими словами он подразумевал государство, целью которого должно быть общее благо людей, средством для достижения этой цели должна служить сама верховная власть, окружающая подданных самой внимательной опекой. На себя Петр смотрит, как на учителя своего народа. «Наш народ, — пишет он, — яко дети, которые никогда за азбуку не

примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел — не все ли неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится» (П<олное> с<обрание> з<аконов>. № 4345). Эту обязанность учителя своего народа он доводил до высокой обязанности жертвовать за свой народ свою жизнь. Известны блестящие слова прусского короля, Фридриха II⁶: «Король есть первый слуга своего отечества». Но когда Петр Великий говорит в письме к сыну: «Я за свое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею», он высказывает ту же самую мысль, только не в таких блестящих выражениях.

